

# С. С. Сафронов

## СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ БУАССЕЛЯ

### Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле  
М.: изд-во АН СССР. 1957. С.258-272

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

#### I

4 ноября 1789 г. в Учредительном собрании Франции, вне прямой связи с обсуждаемыми вопросами, неожиданно выступил епископ Клермонский с доносом на книгу «*Le Catéchisme du genre humain*» («Катехизис человеческого рода»), опубликованную весной 1789 г. В своей речи прелат обвинил автора указанной книги в богохульстве, атеизме, пропаганде аграрного закона и призыве к установлению общности имуществ. Оратор потребовал расследования этого дела со стороны королевского прокурора. Председательствовавший в Собрании Ле Шапелье поддержал обвинения, выдвинутые церковником. Учредительное собрание поручило своему Комитету докладов провести расследование по обвинению автора и издателя «крамольной» книги<sup>1</sup>. Результаты этого расследования до нас не дошли. Во всяком случае, автор прямому преследованию не подвергался. Учредительное собрание тревожили другие, более серьезные заботы.

Литература о Буасселе, авторе указанной книги, крайне невелика. Большой словарь Лярусса о нем даже не упоминает. О Буасселе писал в 1891 г. венский профессор Грюнберг<sup>2</sup>, который указал на связь между идеями Буасселя и Бабефа. Однако общая оценка идей Буасселя, как переходной ступени от старого к современному социализму, не может быть признана правильной.

В советской историографии о Буасселе писал академик В. П. Волгин, который отметил большое значение его практической программы социальных реформ<sup>3</sup>.

«Катехизис человеческого рода» является почти единственным и самым ярким выражением социалистической мысли периода французской буржуазной революции 1789—1794 гг. На русский язык эта книга полностью не переводилась<sup>4</sup>.

Почти ничего не известно у нас об участии Буасселя в революции 1789—1794 гг.

Поэтому автор предлагаемой читателю статьи делает попытку рассмотреть несколько подробнее социальные воззрения и практическую революционную деятельность Буасселя.

<sup>1</sup> «*Moniteur Universel*», N 82, p. 1789.

<sup>2</sup> K. Grünberg. François Boissel. «*Zeitschrift für die gesamte Staatwissenschaft*». Tübingen, 1891, p. 206—252; «*Revue d'économie politique*», 1891.

<sup>3</sup> В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. 1. 1928, стр. 231—234.

<sup>4</sup> Академик В. П. Волгин включил небольшую часть «Катехизиса» Буасселя в сборник «Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений» (ч. 1, 1928, стр. 178—194).

Биографические сведения о Буасселе очень неполны. Единственным доступным для нас источником в этом отношении является статья Грюнберга.

Франсуа Буассель родился в 1728 г. в Жюеих, в Виварэ. Учился у ораторианцев, в колледже иезуитов и в семинарии в Вивьере, где изучал право. По окончании семинарии некоторое время служил адвокатом Парижского парламента, а в 1753 г. уехал в Сан-Доминго, где служил адвокатом и прокурором Высшего совета в *Cap-Français*. Но в 1767 г. он был уволен без объяснения причин. Буассель возвратился в Париж, где, сильно бедствуя, в течение двадцати лет безуспешно добивался восстановления в должности. Службу он получил только после начала революции.

В обстановке всеобщего возбуждения, сопровождавшего выборы в Генеральные Штаты, Буассель писал свое главное произведение «Катехизис человеческого рода»<sup>5</sup>. Как указывает сам автор, книга вышла за три месяца до взятия Бастилии, т. е. в середине апреля 1789 г. В 1792 г. (до свержения монархии) вышло второе издание, исправленное и дополненное, дополненное, главным образом, за счет критики конституции 1791 года. Автор с трудом нашел издателя, а когда книга вышла — сам энергично распространял ее, причем несколько десятков экземпляров было послано знаковым депутатам Учредительного собрания.

В громадном потоке памфлетной литературы, вышедшей в 1788—1789 гг., «Катехизис» Буасселя занимал особое место, что подтвердило и Учредительное собрание.

Содержание этого произведения (и участие его автора в революции) дает основание предположить, что еще задолго до революции Буассель интересовался социально-политическими проблемами.

Социально-политические взгляды Буасселя, несомненно, сложились под воздействием двух основных факторов — классовых противоречий во французском обществе и просветительной философии предреволюционного периода.

Общезвестно, что абсолютистская монархия во второй половине XVIII в. переживала острейший кризис, который и привел к буржуазной революции 1789—1794 гг. Последнее десятилетие перед революцией ознаменовалось усилением народного движения, выступлениями крестьян и городской бедноты. Большое значение в подготовке революционного подъема в последние годы старого порядка имел экономический кризис и вызванное им обострение нужды городской и деревенской бедноты.

В целом все эти движения имели антифеодальный характер. Движение рабочих не приобрело еще самостоятельного классового характера, как справедливо отметил в своей известной книге французский историк рабочего движения Брюа. Буассель был современником этих и более ранних народных движений. Они не могли не оказать влияния на формирование его социально-политических взглядов.

<sup>5</sup> F. Boissel. Le catechisme du genre humain. Paris, 1789, 206 p.; seconde éd., revue, corrigée et augmentée. Paris, 1792, 241 + (40) p. (Цит. в дальнейшем по второму изданию).

Другие работы Буасселя хранятся в Парижской Национальной библиотеке: 1) «Discours contre les servitudes publiques». Paris, 1786, 66 p.; 2) «Principes constitutionnelles monarchiques de la France». 1789, 84 p.; 3) «Le code civique de la France, ou le flambeau de la liberté dédié à la Fédération française». 1790, 41 p.; 4) «Les entretiens du père Gerard sur la constitution politique et le Gouvernement révolutionnaire du peuple française». Paris, 1793, 189 p.

Несомненно, главный вопрос, который интересовал Буасселя, был вопрос о собственности. Ответ на него он искал в произведениях своих предшественников.

Вопрос о происхождении и характере частной собственности широко обсуждался в просветительной литературе. Физиократы относили право частной собственности к категории естественных прав человека. Поэтому они пришли к ложному выводу, что уничтожение частной собственности приведет якобы к уничтожению личной свободы человека<sup>6</sup>.

Уже тогда эта теория физиократов вызвала резкое возражение со стороны Мабли, отрицавшего связь между частной собственностью, с одной стороны, и свободой человека — с другой.

Однако именно эта теория частной собственности нашла многочисленных сторонников в XVIII в. как во Франции, так и в других странах. Эта теория частной собственности разделялась виднейшими деятелями правого крыла французской буржуазной революции — Малле Дю Паном, аббатом Сийэсом, а также некоторыми жирондистами. Она была воспринята Учредительным собранием<sup>7</sup>. Нашла свое выражение эта теория и в памфлетной литературе 1787—1789 гг., например в брошюре адвоката парламента Делакура. Собственность, говорится в этой брошюре, это то, чем владеет гражданин по наследству, приобретению или по труду. Покушение на собственность есть преступление во всех случаях<sup>8</sup>.

Но такая теория не могла удовлетворить все слои буржуазии.

Еще до революции была выдвинута другая точка зрения. Так, Монтескье относил частную собственность не к естественному, а к гражданскому праву<sup>9</sup>. Это — косвенное признание того, что частная собственность не всегда существовала.

Руссо утверждал, что частная собственность возникла в определенных исторических условиях, что ее первоначальной основой был труд. «Один только труд, — писал Руссо, — давая земледельцу право на произведения обработанной им земли, дает ему вместе с тем право и на землю, по крайней мере до жатвы; так продолжается из года в год, и владение, становясь непрерывным, легко превращается в право собственности»<sup>10</sup>.

По существу, точки зрения Монтескье и Руссо на вопрос о происхождении частной собственности сходны: и тот и другой считают право частной собственности исторической категорией, и тот и другой считают, что само гражданское общество возникло в связи с возникновением частной собственности, что особенно подчеркивает Руссо.

Однако выводы из этих положений оба писателя делали различные, хотя и не противоположные.

<sup>6</sup> Мерсье де Ла Ривьер, один из виднейших физиократов, учил, что существует три вида частной собственности: личная собственность, движимая собственность, земельная собственность. Под личной собственностью он подразумевал личную свободу; под движимой собственностью — собственность на вещи, необходимые человеку для самосохранения; под земельной собственностью — собственность на свой земельный участок. Эти три вида собственности, утверждал Мерсье де Ла Ривьер, нераздельны и должны рассматриваться как одна собственность (Mercier de la Rivière. *L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, t. I. Londres — Paris, 1767 p. 45—46).

<sup>7</sup> Bûchez et Roux. *Histoire parlementaire de la Révolution française*, t. XI, p. 309.

<sup>8</sup> «Cathéchisme patriotique à l'usage de tous les citoyens français. Paris, 1789, pp. 8—10.

<sup>9</sup> Ш. Монтескье. *Избранные произведения*, кн. I. М., Госполитиздат, 1955, гл. I.

<sup>10</sup> Ж.-Ж. Руссо. *О причинах неравенства*. Перев. Н. С. Южакова. СПб., 1907, стр. 42, 68, 78, 81.

Монтескье был сторонником крупной буржуазной собственности, Руссо — теоретиком мелкобуржуазной собственности. Сам Руссо и его ученики делали более радикальные выводы. Это показала законодательная деятельность Конвента в 1793—1794 гг.

Утопические социалисты VIII в. (Мелье, Морелли, Мабли) исходили из признания того положения, что общественная собственность — закон природы, утраченный людьми либо в силу их неразумности, либо в силу узурпации<sup>11</sup>.

Морелли и Мабли выработали относительно стройную и цельную коммунистическую теорию, являющуюся, конечно, глубоко утопической в своей основе, поскольку она не исходила из объективных исторических закономерностей, тогда неизвестных. Тем не менее она давала много важных положений и в критической и в положительной своих частях, использованных в дальнейшем развитии социалистической и коммунистической мысли. Важнейшие из этих положений следующие: критика частной собственности вообще, впервые сформулированная критика капиталистического характера физиократической системы, установление факта раскола общества на враждебные классы на основе господства частной собственности, прославление общности имуществ и состояний, общественной организации труда, выдвижение принципа обязательности труда для всех граждан сообразно их способностям и получения продуктов общественного труда по потребностям, идея трудового соревнования граждан, идея всеобщего образования и трудового воспитания детей.

Вот эти достижения социальной мысли дореволюционного периода и следует иметь в виду, чтобы правильно подойти к рассмотрению социальной мысли революционного периода.

### III

Теоретической основой социальных взглядов Буассея является учение о естественном равенстве людей. Люди из самого народа, бывшего в своей подавляющей массе неграмотным, не могли теоретически осмыслить свое положение в обществе и выработать практическую программу действий. Феодалный строй душил всякие ростки сознательной деятельности народа. Но его голос слышится в произведениях близких к народу писателей. Так, в историю общественной мысли вошли: деревенский священник Мелье, призывавший «разбить коронованные головы», истребить дворян, церковников и других общественных врагов и установить общность имуществ; заштатные аббаты Морелли и Мабли — мечтавшие о коммунистической республике; сын ремесленника Руссо — строивший планы демократической республики равенства. Правда, иногда голос народа доходил и до слуха мыслителей, стоявших в одном ряду со знатью. Но так было велико расстояние между народом и привилегированными и такой страх внушал первый последним, что голос неузнаваемо искажался. И тогда наверху раздавались призывы к гуманности и отеческой заботе господ о нуждах тех, кто кормил и одевал все общество. На свет появились проекты демократической монархии маркиза д'Аржансона, просвещенной монархии «патриарха философов» Вольтера, представительной

<sup>11</sup> «Мир — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, — писал Морелли, — и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто, поэтому, не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это» (Морелли. Кодекс природы, М.—Л., 1947, стр. 64).

монархии Монтескье. Все они отводили народу подчиненное место, а аристократии дворян и буржуа — место господ.

Буассель, как и всякий другой мыслитель, обращался к теоретическому наследству потому, что конкретная действительность заставляла его искать ответы на поставленные ею вопросы. Так Руссо, в свое время, изучал Локка и других авторов, потому что он сам искал свое место в жизни, искал место, которое должен занимать в жизни человек труда. Так поступал каждый мыслитель, по-своему изучая опыт прошлого, обобщая опыт других, приходя к новому пониманию исторических явлений.

Отправное теоретическое положение социальных взглядов Буасселя — теория естественного права в том истолковании, которое ей дали Морелли и Мабли.

Буассель мало задумывался над вопросом о происхождении мира. К нему он относится как деист. Вопрос о происхождении мира, говорит он, есть вопрос о первопричине. Идея первопричины есть идея, обозначаемая нами понятием «бог». Бог, сотворив природу, как бы растворился в ней, миссия его была закончена.

Буассель оставляет в стороне вопрос, когда и как совершился акт творения, — знание этого, говорит он, недоступно человеку.

Природа, отмечал Буассель, является второй причиной, зависимой от первой. Она есть обнаружение первой причины. Это обнаружение проявляется через дух, материю, чувство, силу, действие, время, пространство. Дух есть чувство существования, чувство свободы воли, мысли; материя — все то, что нас окружает, все то, что видимо, осязаемо, действует на чувство, способно воспринимать движение и покой, что имеет протяжение, способно к расщеплению, — словом все то, из чего состоят текучие и твердые тела и что, сверх того, обладает чувственностью. Все, что существует, говорит Буассель, не может исчезнуть, может только видоизменяться форма<sup>12</sup>.

Это — деистическое понимание природы. Оно могло явиться плодом изучения философии Кондильяка и тех авторов, на которых он оказал влияние, в первую очередь — Морелли и Мабли. Сенсуализм Кондильяка являлся одним из двух направлений французской философии XVIII в. «Как картезианский материализм, — писал Маркс, — приводит к *естествознанию в тесном смысле слова*, так другое направление французского материализма приводит непосредственно к *социализму и коммунизму*»<sup>13</sup>.

Буассель воспринял идеи второго направления развития французского материализма. Нас не должно смущать то обстоятельство, что Буассель ставил на первое место идею бога, т. е. отвечал на основной вопрос философии как идеалист. Мы уже видели, что в действительности он признает за богом только акт творения и затем устраняет его от вмешательства в жизнь природы и общества. Идея бога ему нужна только как моральный аргумент для устройства земных дел на лучших началах, как высший авторитет, изначальный закон нравственных отношений. Эти нравственные отношения, как мы дальше увидим, должны покоиться на общественной собственности.

Выводы, которые делал Буассель (а до него Морелли и Мабли) из философии Кондильяка для практической деятельности, — вот что важно в теоретических послылках Буасселя. Мы знаем, что эти теоретические послылки были непоследовательными с точки зрения материалистической, т. к. допускали боженку, страдали метафизикой, но и выводы из этих

<sup>12</sup> F. Voissel. Le catéchisme..., pp. 188—207.

<sup>13</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, изд. 1, стр. 160.

посылок были столь же несовершенными. Однако они составляют определенный этап в развитии социалистической мысли.

Покинув бога после его довольно туманного акта творения, Буассель всецело занялся земными делами. Его уже больше не интересовала идея первопричины, гораздо больший интерес представляла вторая причина — природа и то лучшее, что было в ней — люди. Им и посвящает он все свои помыслы.

Буассель оставляет в стороне подробное рассмотрение предистории человеческого общества. Он исходил из признания того дошедшего до него понимания прошлого человеческого общества, которое предполагало равенство.

Историческая традиция, писал Буассель, сохранила сказания о золотом веке, когда не было ни золота, ни собственности, ни рабства современного брака, ни священников, ни судей, ни финансистов, ни дворян, ни тиранов. Но золотой век скорее фикция поэтов, нежели реальность прошлого. Железный век — вот реальность, он существовал и существует еще и сейчас. В этот век возникла собственность, установлены рабство брака, налоги, фанатизм, словом, был создан антиобщественный порядок. В это же время появились деньги, что еще более усилило пороки чудовищного строя<sup>14</sup>.

Буассель утверждает, что общественный строй, как он сложился, не отвечает требованиям счастья. Вместо того, чтобы учиться у природы, человечество с самого начала обратилось к эгоизму, гордости, ненасытным желаниям. Наиболее богатые и сильные фабриковали богов и освятили угнетение бедных и слабых. Почти все правительства служили эгоизму и глупости, опустошали, грабили и убивали слабых. «Именно таким образом возник и был упрочен продажный, человекоубийственный и антиобщественный порядок, который порождал во все времена разделение, распри, избиения, войны, порабощение одного человека другим человеком, одной семьи — другой семьей, одного народа — другим народом...»<sup>15</sup> Этот строй продажный, потому что при нем добро делается только из-за надежды на вознаграждение, а избегают зла из боязни наказания. Этот строй человекоубийственный, потому что он вооружает сына против отца, брата против брата, семью против семьи, один народ против другого, чтобы захватить чужие земли. Этот строй антиобщественный, потому что он представляет самый несправедливый порядок, при котором интересы отдельных лиц выше интересов общества и все общественные связи разорваны. Такой строй несовместим с принципами общественного договора. Главные столпы этого продажного, человекоубийственного и антиобщественного строя — собственность, брак, религия. Их выдумали, установили и освятили те люди, которые были заинтересованы в том, чтобы узаконить свою власть, насилие и ложь<sup>16</sup>. Буассель далее показывает, какую вредную роль играют в жизни общества собственность, брак и религия.

Наиболее гнусным установлением он считает собственность. Раздел земель создал исключительное право собственности. Тем самым он лишил будущие поколения людей возможности населять земной шар, обрек на смерть от голода, нужды и холода немущих, которые вынуждены были отдавать себя в рабство собственникам. Если же они не соглашались на рабство, их вешали как воров, или сажали на кол, или колесо-

<sup>14</sup> F. Boissel. Le catéchisme.... p. 109.

<sup>15</sup> Ibid., p. 88—89.

<sup>16</sup> Ibid., pp. 89—90.

вали. Право собственности было распространено решительно на все — на земли, женщин, мужчин, небо и ад, и даже на самих богов.

Чтобы узаконить свою узурпацию, собственники создали земную власть и власть небесную — еще более хитроумную и лукавую. Они ввели в обращение серебро и золото, стали торговать собственностью и всеми благами земли и неба. И с тех пор люди стали пожирать друг друга<sup>17</sup>.

К сожалению, очень немногих людей понимает, что «право собственности противоречит социальному строю», самой природе. В изначальные времена люди не знали частной собственности, не было привилегий, не было деления людей на классы. Общество не может терпеть претендентов на исключительное положение, это угрожало бы и будущим поколениям. Нелепо устанавливать ограничения для будущих поколений. Каждое право, противоречащее общественным интересам — не право, а уродство.

Право собственности не является естественным правом. Человек не является в мир с титулами, привилегиями и золотом. Все люди имеют одни и те же потребности, права и способности, чтобы добывать трудом необходимые для жизни вещи. Как с физической, так и с моральной точек зрения человеку в отдельности не может принадлежать ничего, что существует в природе — это математическая истина<sup>18</sup>.

Право собственности — это привилегия умирать от голода, жажды и холода, привилегия стать рабом собственника для того, кто ничего не имеет. Право собственности есть уродство<sup>19</sup>, а уродство не может быть основой гражданского общества. Творцы «Декларации прав человека и гражданина» совершили ошибку, отнеся право собственности к естественному праву. Оно относится не к естественному, а к гражданскому праву, гражданскому установлению<sup>20</sup>. А раз это так, собственность и учреждения, ее поддерживающие, могут и должны быть уничтожены<sup>21</sup>. «Единственное право социального человека — право трудиться ради сохранения и счастья общества. Все то, что отдаляет человека от этой цели, — противоестественно»<sup>22</sup>.

Эта мысль Буасселя весьма примечательна. Развивая идеи своих предшественников Морелли и Мабли, он с особой силой подчеркивает значение права на труд. Социальное значение этого тезиса Буасселя понятно. Это было прямое требование нищего люда Франции. Особое значение оно приобрело позже в устах рабочих Франции.

Вторую основу антиобщественного строя Буассель видит в браке.

В интересах закрепления собственности и власти собственники придали браку характер рабства (*les servitudes de mariage*) и тем самым совершили наиболее грубое покушение на свободу человека — женщина стала собственностью. По мнению Буасселя, причиной закрепощения женщины явилось желание собственника иметь наследника своего имущества. Таким образом, брак способствовал закреплению собственности и превратил женщину в своеобразный вид собственности<sup>23</sup>.

Женщина по своему физическому строю, говорит Буассель, не принадлежит мужчине больше, чем мужчина женщине. Если можно сказать, что мужчина без женщины представляет только половину своего суще-

<sup>17</sup> Ibid., p. 92—93.

<sup>18</sup> Ibid., pp. 60—62.

<sup>19</sup> Ibid., p. 68.

<sup>20</sup> Ibid., p. 24 (приложение).

<sup>21</sup> Ibid., p. 71.

<sup>22</sup> Ibid., p. 97.

<sup>23</sup> Ibid., pp. 100—101.

ства, то же должно сказать и о женщине. Следовательно, женщина так же свободна и независима, как и мужчина <sup>24</sup>.

Буассель порывает с традиционным пренебрежительным отношением к женщине. Среди мыслителей XVIII в. Буассель являлся самым энергичным пропагандистом женского равноправия. Эту пропаганду впоследствии продолжит другой социалист-утопист — Шарль Фурье.

Религия, вера в богов и всякие культы — третья основа продажного, человекоубийственного и антиобщественного строя, говорит Буассель. Религия нужна собственникам, чтобы угнетать, унижать и калечить наиболее трудолюбивых и смиренных. Они установили богов войны — для устрашения и ограбления народов; богов ада, чтобы заставить верить в вечное вознаграждение за добрые дела и вечное наказание — за злые. Они установили обряды поклонения, празднества, церемонии, построили храмы, создали статуи богов, чтобы принудить несчастных к повиновению <sup>25</sup>.

Все религии — изобретения обманщиков, верования невежественных людей. Служители фанатизма, церковники, во все времена стремились помешать развитию просвещения. Где они пользовались наибольшим влиянием, там господствовали особенно чудовищные порядки. Моисей — лживый и свирепый субъект, жестокий фанатик — один из многих служителей религиозного фанатизма. Но все они — одинаковы. Такова же и католическая церковь.

Буассель выразил уверенность, что Ватикан находится накануне революции, от которой уже пала Бастилия. Такова, должно быть, писал он, судьба всех учреждений и установлений, которые обязаны своим происхождением глупости и чванству честолюбивых и развращенных людей <sup>26</sup>.

Буассель считает, что человечество не может терпеть существование религий. Достаточно ограничиться сознанием, что мир создан творцом. Большого не требуется. У попов отнять все привилегии и предоставить их самим себе; монашество — упразднить, имущество церкви конфисковать. Атеизм не должен преследоваться. Таким образом, в делах совести должно проводиться принцип веротерпимости <sup>27</sup>.

Орудием собственников для подавления бедноты Буассель считает также политику, т. е. государственную власть. Ссылаясь на Макиавелли, «величайшего знатока государственных дел», Буассель указывает, что «политика есть единственное божество, единственная религия, единственный закон, призываемый втайне лжецами и деспотами, чтобы поддерживать другие свои божества, другие идолы, другие религии, другие учреждения, ради сохранения продажного, человекоубийственного и антиобщественного строя» <sup>28</sup>.

Политика устанавливает порабощающие народ право, законы, юстицию. Законы — это обязательства, наложенные сильными на слабых, юстиция — это воля сильных, направленная против слабых. Право определяется юристами как искусство осуществлять справедливость, знание различия между справедливым и несправедливым. Само по себе право — идея возвышенная. Но при существующем строе право подчинено идее поддержания антиобщественного строя. Истинные законы, истинное

<sup>24</sup> Ibid., p. 53.

<sup>25</sup> Ibid., p. 105.

<sup>26</sup> Ibid., p. 4, 24, 50.

<sup>27</sup> Ibid., p. 185.

<sup>28</sup> Ibid.



право, истинная юстиция должны исходить из принципа обеспечения всеобщего счастья<sup>29</sup>.

То же относится к налогам. Налоги при хорошем управлении — общественные обязанности по участию в расходах на общественные нужды ради счастья всего общества. При существующем же положении вещей налоги — орудие угнетения трудящихся — наиболее полезного класса земледельцев<sup>30</sup>.

История наций — это история войн, резни, открытых и тайных убийств, раздоров и насилий<sup>31</sup>. История даже наиболее просвещенных народов учит, что правители и законодатели не заметили коренного порока в общественном строе. Правда, в прошлом были попытки социальных реформ. Так, Ликург произвел раздел земли крупных собственников, уничтожил роскошь, провел и некоторые другие реформы. Но этого недостаточно. Надо было уничтожить право собственности, восстановить естественную общность имуществ, установить общественное воспитание и т. д.<sup>32</sup>

Буассель указывает, что многие философы занимались изучением общества, но безрезультатно. Они оставили прекрасные принципы морали, большей частью неосуществимые при антиобщественном строе<sup>33</sup>. Даже наиболее крупные философы не сумели открыть истинных причин общественных зол. Общественный договор Руссо не устраняет коренных пороков общественного устройства.

Монтескье много говорил о значении разума, но он не заметил того, что разум есть результат воспитания, которое в свою очередь зависит от характера общественного устройства. Все внимание автора «Духа законов» было поглощено прошлым, он не увидел необходимости перейти к новому порядку. И Буассель выносит Руссо и Монтескье суровый приговор: «Их работы скорее вредны, чем полезны человечеству»<sup>34</sup>.

В этом споре столкнулись две концепции — буржуазная и социалистическая. Это столкновение в теории отразило реальные противоречия, борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, собственниками и неимущими.

Буассель не ограничился только критикой старого общества. Он, как это уже отмечено академиком В. П. Волгиным, пытался определить основные контуры идеального общественного устройства, поставить некоторые вехи для перехода к нему.

Буассель исходил из того, что общество — единственная форма человеческого общения. Тяга к объединению в общество — одно из важнейших естественных качеств людей. Под обществом (*société*) он понимает «компактное население на более или менее обширной территории, имеющее торговые связи, общение между собой, говорящее на одном языке, имеющее одни и те же обычаи, общий характер (*genie*), общие потребности в обеспечении внутренней и внешней безопасности»<sup>35</sup>. Тенденция к объединению такова, что все большее и большее число таких компактных групп населения соединяется в единое общество, единую нацию, чтобы иметь силу и средства обеспечить взаимную безопасность и защиту<sup>36</sup>.

<sup>29</sup> Ibid., p. 117—124.

<sup>30</sup> F. Boissel. Le catéchisme ..., p. 150.

<sup>31</sup> Ibid., p. 50.

<sup>32</sup> Ibid., p. 174.

<sup>33</sup> Ibid., p. 173.

<sup>34</sup> Ibid., pp. 65, 98.

<sup>35</sup> Ibid., p. 115.

<sup>36</sup> Ibid., p. 116.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Буассель уловил все существенные черты нации: общность территории, общность языка, общность экономической жизни, общность характера или духа людей. Разумеется, Буассель был далек от научного понимания причин, которые приводят к образованию нации. У него идет речь не о нации как таковой, а об отдельных, местного характера, маленьких обществах, которые должны все вместе составлять нацию. В этом определении Буасселя отразился реальный процесс объединения населения французских провинций с их диалектами и обычаями в единую французскую нацию. Известно, что этот процесс был завершен революцией.

Люди объединяются в общество, утверждает Буассель, для собственного блага. После объединения людей в общество следовало бы учредить Социальный Совет, составленный из наиболее просвещенных, опытных и верных друзей человечества, с целью проверить и определить первоначальные причины несчастий человеческих обществ и найти эффективные средства борьбы с властью привычки, господствующей среди настоящего поколения<sup>37</sup>.

Глупость, фатальная власть привычки — единственное препятствие, которое нужно преодолеть, чтобы установить естественный порядок и общественное воспитание<sup>38</sup>. Естественный порядок, по Буасселю, — это общество без частной собственности, без привилегий, общество, где не будет между людьми никаких различий, кроме различий в способностях и талантах.

Самый трудный вопрос, это вопрос о собственности. Буассель не сомневался, что собственность должна быть уничтожена. Но трудность — в подходе к решению этой задачи. Известно, что над этим бились и более ранние социалисты-утописты.

У Морелли не было никакого плана перехода к коммунистическому строю. Мабли, сохраняя верность своему коммунистическому идеалу, в практическом плане пришел к эгалитаризму. Буассель сделал новый шаг в развитии социалистической мысли, выдвинув практический план перехода к коммунистическому строю. Стержнем этого плана является организация общественного воспитания. Этот план предусматривал создание общественных школ, средства на содержание которых должны быть получены за счет прогрессивного обложения собственников.

Кроме того, план Буасселя предусматривал создание сельскохозяйственных и промышленных мастерских, где молодое поколение должно было получать подготовку к трудовой деятельности.

Для школ и мастерских потребуется много помещений. Поэтому Буассель предлагает отобрать церковные и монастырские здания и в них разместить школы и мастерские. Кроме того, он предлагает построить под школы величественные дворцы, лучшие из которых должны быть отведены под женские школы. В общественном воспитании Буассель видел главное средство, которое должно было подготовить новое поколение людей, способных уничтожить частную собственность и создать моральный общественный порядок, единственно отвечающий законам природы.

По мере развития нового общественного сознания были бы созданы предпосылки для уничтожения антисоциальных институтов. Религия стала бы частным делом граждан, в делах совести будет проводиться принцип веротерпимости. Попы и прочие служители религиозных культов должны

<sup>37</sup> F. Boissel. Le catéchisme ..., p. 114.

<sup>38</sup> Ibid., p. 171.

стать простыми гражданами. Они не должны допускаться к делу общественного воспитания.

При новом социальном порядке изменится и характер брака. Отношения между мужчинами и женщинами будут основываться на принципе свободного выбора. Уничтожение частной собственности приведет к ликвидации денег. Золото и серебро, принесшие столько несчастий людям, будут употреблены на украшения <sup>39</sup>.

Следует отметить, что в теоретических построениях Буасселя совершенно отсутствует аскетическая черта, что отличает его от предшественников. Он глубоко верил, что коммунистический строй обеспечит полное удовлетворение потребностей человека и развитие его творческих способностей.

Таков проект Буасселя. Утопический характер его очевиден. В его основе лежат господствовавшие в XVIII в. среди буржуазных просветителей идеалистические представления о провиденциальной роли человеческого разума. Вместе с тем проект Буасселя представляет выдающийся интерес, потому что он явился по существу первым наброском плана практического перехода к коммунистическому строю. И в этом отношении он является промежуточной ступенью между проектами Мабли и Бабефа.

#### IV

Представление об авторе «Катехизиса человеческого рода» было бы не полным, если бы мы не остановились кратко на его революционной деятельности. Будучи коммунистом, Буассель принял активное участие в революционном движении, надеясь, что революция будет способствовать подготовке некоторых условий для осуществления его проектов. На протяжении всей революции он находился на ее левом, демократическом крыле. И Учредительное и Законодательное собрания он не считал народным представительством.

В своем письме адвокату Рабо Сент-Этьену (в ноябре 1789 г.) Буассель писал, что «нация не могла послать в Собрание всех тех, кто наиболее достоин ее доверия. Предстоит громадная работа по возрождению страны». Франция, как и другие страны, писал Буассель, имеет возможность рассмотреть вопросы: 1) о религии — ее ложности или истинности; 2) о собственности на землю, о разделе земли, о браке; 3) о законах воспитания <sup>40</sup>.

Конституцию 1791 г. он рассматривал как реакционную, антинародную, утвердившую у власти контрреволюцию <sup>41</sup>. Буассель в это время как будто и не против монархии, но он ставит такие ограничения, которые направлены против самого ее существа. Король, пишет он, может быть только хранителем государственной печати. Он не может отвергать законы или возражать против них. С возражением короля прекращаются его функции. Истинный суверен — только народ. Его волю могут осуществлять только представители, им избранные <sup>42</sup>.

Таким образом, условия, при которых Буассель в 1792 г. допускал существование монархии, предполагали в действительности республику.

Осуждая конституционную монархию, Буассель думает о средствах, которые бы встряхнули нацию. «Доказано, — пишет он, — что восстание

<sup>39</sup> F. Boissel. Le catéchisme..., pp. 83—86, 117—118, 179—184.

<sup>40</sup> Ibid., p. 78.

<sup>41</sup> Ibid., p. 132.

<sup>42</sup> Ibid., pp. 145—146.

и анархия просвещенного народа может лучше, чем плохое правительство, способствовать сохранению прав общественного человека и подавить общественное зло»<sup>43</sup>. Установление лучшего правительства — вот средство, которое может предупредить опасность, угрожающую Франции.

Таким образом, задолго до свержения монархии Буассель в довольно ясной форме выражал надежду на новую революцию, которая установит республику. В это же время Буассель объявлял дворян-эмигрантов изменниками и предлагал их имущество конфисковать<sup>44</sup>.

Буассель значительно уступает Марату в силе и страстности разоблачений аристократии дворян и богатых. Но общий дух и цель этих разоблачений одинаковы у обоих якобинцев.

Буассель приветствовал народное восстание 10 августа 1792 г. и провозглашение республики. Но он, как и другие якобинцы, не доверял республике жирондистов. Он всегда был верен своему общественному идеалу и о правительстве судил по тому, насколько его деятельность приближала осуществление этого идеала. Якобинцы стремились только к продолжению демократизации политической жизни и к некоторым, весьма умеренным преобразованиям в социальной области. Самые радикальные же из них допускали некоторые временные меры по смягчению имущественного неравенства: прогрессивное обложение, регулирование цен, реквизиции, льготную продажу земельных участков и т. д. Никто из них не подвергал сомнению самый принцип частной собственности.

Робеспьер составил проект «Декларации прав человека», который он зачитал в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г. На следующий день Буассель выступил с возражениями, предложив свой проект «Декларации». Вот его речь в Якобинском клубе.

«Робеспьер, вы вчера прочитали «Декларацию прав человека», а я сейчас прочитаю «декларацию прав санкюлотов»: «Санкюлоты французской республики признают, что все их права отклоняются от природы и что все законы, которые ей противоречат, не являются обязательными; естественные права санкюлотов состоят в способности воспроизводить себя (*se reproduire*): 1) одеваться и кормиться (их естественные права состоят в том, чтобы пользоваться благами земли, нашей общей матери); 2) в сопротивлении угнетению; 3) в молчаливом решении признавать только такую зависимость, которая вытекает из самой природы или Верховного существа.

Санкюлоты признают, что общество установлено только ради обеспечения безопасности самого слабого против самого сильного. Санкюлоты признают, что лучшее правительство есть то, которое наиболее эффективно борется против врагов республики, а такое правительство не может не быть на определенное время революционным»<sup>45</sup>.

Из этой речи видно, что Буасселя не удовлетворил проект Робеспьера, он считал, что Французская республика должна предоставить народу не только политическую власть, но и улучшить материальные условия его жизни. Чтобы осуществить эту программу, правительство должно на определенное время стать революционным. Это значит, что правительство должно осуществлять революционную диктатуру.

Эта идея выдвигается за несколько месяцев до установления революционного правительства якобинцев. В это время только Марат выдвигал

<sup>43</sup> F. Boissel. *Le Catéchisme...*, p. 134.

<sup>44</sup> *Ibid.*, p. 135—137.

<sup>45</sup> *Buchez et Roux. Op. cit.*, t. XXVI, p. 107.

идею революционной диктатуры, под которой он понимал власть одного революционера.

Якобинский клуб не принял возражений Буасселя. Его проект был для якобинцев слишком радикальным, он вызвал среди них только веселый смех.

Можно догадаться, что строптивного и настойчивого старика (в это время Буасселю было 65 лет) в Якобинском клубе не любили за его «экстравагантные» социальные взгляды. Вспомним, что именно в это время особенно бурно разворачивается агитация Жака Ру, Леклерка, Варле, усиливается движение плебейских масс в Париже и других городах Франции. Это и были те самые санкюлоты, декларацию которых читал Буассель в Якобинском клубе.

Могли ли якобинцы, еще надеявшиеся на продолжение сотрудничества с жирондистами сочувственно отнестись к Декларации санкюлотов? Еще не наступило время, чтобы они решились окончательно порвать с жирондистами и опереться на плебейские массы, пойдя им на некоторые уступки в политической и социальной области. Но в начале мая они на это решились. Революция продолжалась, республика была спасена.

В период якобинской диктатуры Буассель продолжал исправно нести службу в качестве судьи. Однако у него были некоторые осложнения в Якобинском клубе. В ноябре месяце 1793 г., т. е. после последнего выступления «бешеных», некий Реноден обвинил Буасселя и еще одного члена клуба в том, что они не одобрили решение революционного трибунала относительно одного осужденного к гильотине. У Буасселя отобрали членский билет клуба<sup>46</sup>. Однако в скором времени членский билет ему был возвращен.

Последние три выступления Буасселя в Якобинском клубе относятся к сентябрю — октябрю 1794 г.<sup>47</sup> Они интересны прежде всего тем, что проливают некоторый свет на вопрос об отношении Буасселя к термидорианскому режиму. Первое выступление было посвящено защите народных обществ, второе — защите идеи общественного воспитания, третье — тяжелому продовольственному положению народных масс.

Особенно интересна речь в защиту народных обществ.

В Якобинский клуб из департаментов поступало много сообщений о разгуле контрреволюции, попытках закрытия народных обществ. В своей речи при обсуждении этого вопроса Буассель напомнил, что еще австрийский тиран грозил уничтожить Якобинский клуб, оплот свободы народа. Те, кто помышляет сейчас об этом, говорил он, должны рассматриваться как сателлиты деспотов.

Эти выступления Буасселя не свидетельствуют о его симпатиях к термидорианскому режиму.

Сведений о дальнейшей жизни Буасселя почти нет. Грюнберг сообщает, что в 1798 г. он был правительством Директории уволен со службы. Буассель обращался к императору Наполеону и даже писал в его честь гимны на латинском языке, подписываясь как автор «Катехизиса человеческого рода». Но Наполеон еще больше ненавидел якобинцев, чем Директория: службы ему не дали.

Умер Буассель около 1807 г. в возрасте 79 лет, оставаясь верным своим убеждениям.

<sup>46</sup> A. Aulard. Le société des jacobins, t. V. p. 505.

<sup>47</sup> «Gazette nationale, ou le Moniteur Universel». — 4 sanculotide de l'an 2 de la République Française, 9 brumaire l'an 3 de la Rép. Fr., 14 brumaire l'an 3 de la Rep. Fr.

Энгельс отмечает, что коммунистические учения имеют различное происхождение. «Англичане пришли к нему *практическим* путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы — *политическим* путем, отправляясь от требования политической свободы и равенства, но, убедившись, что этого недостаточно, они присоединили к своим политическим требованиям требования социальной свободы и социального равенства; немцы же стали коммунистами *философским* путем, путем размышления над основными принципами»<sup>48</sup>.

Деятельность Буасселя протекала в условиях кризиса феодально-абсолютистского строя Франции, вызревания буржуазной революции. Этот процесс нашел соответственное выражение в идеологии. Особенно полно он отразился в литературе того времени. Изучение этой литературы позволяет установить тот важный факт, что в ней боролись те же направления, которые определились в борьбе классов. Как буржуазия господствовала в третьем сословии, так буржуазные теории господствовали в идеологии.

Уже до революции ясно определился общий антагонизм между эксплуатируемыми и эксплуататорами, богатыми туенядцами и трудящимися бедняками. В ходе революции этот антагонизм проявился в революционном движении плебейских масс, выразителями которых выступили «бешенные» и, отчасти, «эбертисты».

В свете развития этого общего антагонизма и необходимо рассматривать социальные учения этого времени.

Социальные воззрения Буасселя наиболее полно выразили главные тенденции крестьянско-плебейских масс Франции. Идея равенства — сокровенная идея крестьянско-плебейских масс в эпоху буржуазной революции. Это — революционно-демократическая идея; она выражала историческую потребность в уничтожении феодального строя и могла привести в тех условиях только к победе буржуазного строя.

Идея равенства, рожденная самой жизнью народных масс, получала теоретическую разработку в произведениях радикальных мыслителей, использовавших также и теоретическое наследство своих предшественников.

Одни из них утверждали, что общество должно стремиться к установлению имущественного и политического равенства на основе равного владения землей. Эти проекты не затрагивали самого права частной собственности. Таково было понимание равенства у Руссо и его учеников в период революции. Требование проведения аграрного закона было практическим выводом из теории Руссо. Это было революционное требование. Осуществление его вело к самой радикальной расчистке почвы для капиталистического производства, для победы капиталистических общественных отношений.

Другие мыслители утверждали, что подлинное равенство можно осуществить, только уничтожив частную собственность и установив общественную собственность, общий труд для всех граждан, распределение продуктов труда по потребностям, общественное и равное воспитание молодого поколения. Такая организация общества вела к изменению характера управления делами общества, сводя его к регулированию производства и распределения, организации общественного воспитания и наблюдению

<sup>48</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 1, стр. 525—526.

за нравственностью. А это и есть коммунистическая теория. В XVIII в. она была разработана всего полнее в произведениях Морелли и Мабли. Буассель является их продолжателем. Обострение классовой борьбы в предреволюционные годы и начавшаяся буржуазная революция сообщили социальным взглядам Буасселя новые черты. У него резко выражена идея классового деления общества и классовой борьбы, яснее проведена связь между правом частной собственности и политическими и другими учреждениями и установлениями, более отчетливо выявлено значение воспитания граждан. Словом, метод Буасселя, его понимание классовой борьбы, более реалистический, в нем ярче выражена материалистическая тенденция. Несомненно, метод Буасселя сложился под воздействием двух факторов — классовой борьбы в обществе, в которой он принимал деятельное участие, и изучения произведений Руссо и Мабли.

Вместе с тем, этот метод страдал ограниченностью, метафизичностью. Буассель не понял исторической закономерности, его понимание классовой борьбы было метафизическим. Научное понимание вопроса, в каких исторических условиях возможен переход к коммунистической собственности, ему было недоступно. Поэтому коммунизм Буасселя — утопический, ненаучный. Но это обусловлено общими условиями, в которых он жил.

Из понимания невозможности сразу установить коммунистическую собственность и осуществить полное и радикальное преобразование общества возник своеобразный план постепенного подхода к введению коммунистических порядков. В этом плане главное место отводилось, как мы видели, организации общественного воспитания и ограничению частной собственности. Утопический характер этого плана очевиден. Коммунистические идеи Буасселя отразили мечту крестьянско-плебейских масс об установлении равенства. Буассель был теоретиком крестьянско-плебейского социализма. Вместе с тем коммунистические идеи Буасселя были смутным, неполным, ограниченным теоретическим предвосхищением победы нового, коммунистического общества.

Буасселю нельзя отказать в чувстве реальности. При всем утопизме его коммунистических воззрений он был человеком своего времени и поэтому не ограничился пропагандой коммунистических взглядов. Указывая человеку на главную цель, которую оно должно иметь в виду, он принял деятельное участие в развернувшейся ожесточенной борьбе за демократическую республику. Он был пламенным республиканцем, защитником бедноты, он мечтал об установлении революционной диктатуры бедняков, с которой связывал осуществление своего общественного идеала.

Социальные и политические идеи Буасселя являются тем звеном, которое соединяет социализм Мелье, Морелли и Мабли с социализмом Бабефа и его друзей. И это определяет значение Буасселя в развитии французского социализма XVIII в.

Тематически связанные материалы

**А.Иоаннисян.** Коммунистические идеи в годы Великой французской революции

**В.Волгин.** Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке

**В.Волгин.** Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

**В.Волгин.** Французский утопический коммунизм

**Л.Гордон.** Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.) / ФЕ 1959

[http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio\\_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)